

Монякова Ольга Альбертовна

УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЗЕМСТВА В СТАНОВЛЕНИИ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1860-Е ГОДЫ

В статье впервые в отечественной историографии осуществлен сравнительный анализ взаимоотношений провинциальных структур Русской Православной Церкви и земских органов самоуправления в процессе организации начального образования. Определен характер этих взаимоотношений и выявлена степень их влияния на результативность образовательного процесса в первое пятилетие функционирования земств, когда они только выработывали основные направления своей деятельности в области народного просвещения. Анализ выполнен на материалах губерний Верхнего Поволжья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 138-143. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5. 387 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. 256 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1959 г.: РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. 456 с.
4. Магомедов А. Д. Движение населения Дагестана в годы Гражданской войны // Гражданская война на Северном Кавказе: материалы региональной научной сессии (23-24 декабря 1980 г.). Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1982. С. 172-177.
5. Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. 588 с.
6. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1900-1939. 463 с.
7. Обзор Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1893. 63 с.
8. Обзор Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура: Типография А. М. Михайлова, 1897. 73 с.
9. Обзор Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1898. 76 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. 68. 248 с.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: Дагестанская область. СПб., 1905. 212 с.
12. Посемейные списки населения Дагестанской области 1886 года и переписи населения 1897 и 1926 годов: стат. справочник. Махачкала: ИД «Наука+», 2005. 120 с.
13. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-22. Оп. 22.
14. ЦГА РД. Ф. Р-22. Оп. 23.

**SEX AND AGE COMPOSITION OF POPULATION AND MARRIAGE RATE IN DAGESTAN:
HISTORICAL-DEMOGRAPHIC ASPECT
(THE 90S OF THE XIXTH CENTURY – THE 30S OF THE XXTH CENTURY)**

Mirzabek Yakh'yaevich Mirzabekov, Doctor in History, Professor
*Department of Modern and Contemporary History
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
kaymarazova@mail.ru*

The author analyzes the factors of number increasing and changes in population's sex and age composition, the state of marriage rate in social, religious and national aspects in Dagestan at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century, considers the creation of new normative-legal framework by the soviet government in the sphere of marriage and family, and characterizes the activity of power structures in the multinational region on making changes in marriage and family relations in the 20s – 30s of the XXth century.

Key words and phrases: Dagestan; Dagestan peoples; population; census; increase; fertility; mortality; women; men; age; sex; sex and age composition; religiousness of population; marriage; divorce.

УДК 930.85:322:94(47)

Исторические науки и археология

В статье впервые в отечественной историографии осуществлен сравнительный анализ взаимоотношений провинциальных структур Русской Православной Церкви и земских органов самоуправления в процессе организации начального образования. Определен характер этих взаимоотношений и выявлена степень их влияния на результативность образовательного процесса в первое пятилетие функционирования земств, когда они только вырабатывали основные направления своей деятельности в области народного просвещения. Анализ выполнен на материалах губерний Верхнего Поволжья.

Ключевые слова и фразы: церковно-приходская школа; начальные училища; начальное народное образование; земство; Русская Православная Церковь; Министерство народного просвещения; соперничество.

Ольга Альбертовна Монякова, к.и.н.

*Центр изучения региональной казуальной истории
Шуйский государственный педагогический университет
museum-kovrov@mail.ru*

**УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЗЕМСТВА
В СТАНОВЛЕНИИ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1860-Е ГОДЫ[©]**

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг. ГК № П563».

До появления земств юридическими правами на открытие школ в сельской местности обладали: духовенство (по Указу Св. Синода от 29 октября 1836 г.), Министерство государственных имуществ (на основе

постановления от 23 ноября 1842 г. об учреждении сельских приходских училищ) и сельские общества (по указу от 19 февраля 1861 г.). Крестьянство в открытии школ реального участия не принимало, да и не проявляло к этому интереса, что в значительной степени объяснялось привычкой к исполнению, а не проявлению собственной инициативы. До отмены крепостного права помещичьи крестьяне не учились, а для государственных крестьян ученье в школе было повинностью. Население старалось избегать школы. В целом в России отсутствовала традиция создания организованной системы обучения в сельской местности [12, с. 84]. Соглашаясь с высказыванием исследователя М. С. Низамовой, тем не менее, отметим, что в короткий период общественного подъема конца 1850-х – первой половины 1860-х гг. все же наблюдался рост количества образовательных учреждений в провинции, в основном за счет школ низшего звена для простого народа, которые медленно начали заполнять пустующее до того сельское культурное пространство России. Правда, развитию образования пока был свойственен больше городской, чем сельский характер.

1864 год знаменателен появлением нового субъекта процесса просвещения в провинции на уровне начального образования – земских органов самоуправления, которым суждено в последующем стать одним из ведущих игроков на этом поле. Получив легитимность в январе 1864 г., свою практическую деятельность, как известно, земства начали осуществлять 1,5–2 года спустя, в каждой губернии по-разному.

Система народного образования в провинции в тот период включала в основном учреждения двух уровней – начального и среднего. Предметом рассмотрения настоящей статьи является начальное звено российской системы образования.

Придя по воле государства на образовательное поле, земство застало там двух основных участников процесса: Министерство народного просвещения в лице своих территориальных структур как представителя светского общества и Православную Церковь в формате епархиальных учреждений, представлявших духовное ведомство. Мы уже показали ранее в других публикациях [10], что и до появления земств этим двум ведомствам было свойственно состояние соперничества в области начального народного образования, которое в некотором роде стимулировало динамику их деятельности. Земские органы самоуправления, постепенно вплотную занявшиеся, в том числе, и вопросами народного образования в провинции, как бы приняли от Министерства народного просвещения эстафету взаимоотношений конкурирующего характера с духовным ведомством в этой сфере. Именно взаимодействие между земством и духовным ведомством определяло весь ход развития начального народного образования в земских губерниях империи. Наиболее тесно их интересы смыкались на уровне уездной провинции, так как основными практическими организаторами начальной школы на местах являлись уездные земства и приходские причты. Таким образом, главной задачей данной работы является анализ взаимоотношений провинциальных структур духовного ведомства и земских органов самоуправления в области организации начального образования народа в первое пятилетие их совместной деятельности и влияния характера этих отношений на результативность образовательного процесса.

Следует отметить, что в историографии накоплен опыт изучения как истории земской, так и истории церковно-приходской школы. При этом приоритетное внимание уделялось анализу преимуществ каждой из систем, ее влиянию на ход образовательного процесса, их борьбе между собой. До сих пор в тени остается проблема динамики зависимости результатов дела народного образования от уровня и характера взаимодействия земских учреждений и духовного ведомства, особенно на уездном уровне. Между тем для комплексного исследования развития народного образования в дореволюционной России как базиса для формирования целостного культурно-образовательного пространства, анализ отношений между церковью и земством в данном направлении имеет большое значение, не только в плане соперничества между ними, но и с целью выявления положительных примеров совместных действий [11].

Наша задача выстроить алгоритм взаимоотношений провинциальных церковных структур и земских органов самоуправления в плане решения конкретных задач организации элементарного обучения освобожденного от крепостной зависимости многомиллионного российского крестьянства, в данном случае в начальный период их совместной работы на этом поприще.

Два исторических документа, принятых к действию в один и тот же 1864 год с разницей в полгода, соединили на начальном этапе земских деятелей и духовенство в одном большом деле – организации школы для обучения и просвещения простого народа. Это само Положение о земских учреждениях, которое в ст. 23 и 24 допускало для священнослужителей возможность быть избранными в гласные уездных земских собраний [15]; и Положение о начальных народных училищах 1864 года, определившее в ст. 19 состав уездных и губернских училищных советов [2]. Согласно этой статье, в уездный училищный совет наряду с членами от Министерств народного просвещения и внутренних дел, входили два представителя от местного уездного земского собрания и один от православного духовенства; а губернский училищный совет составляли следующие лица: епархиальный архиерей как глава совета, губернатор, директор народных училищ и два члена от губернского земского собрания. Как видим, наиболее тесное соприкосновение в работе по организации процесса начального образования было у земцев с представителями духовенства на уровне уездных училищных советов. Тем более что в отличие от губернского, должность председателя уездного совета была выборной (ст. 22). Имеющиеся в нашем распоряжении примеры показывают, что немало священнослужителей было избрано председателями уездных училищных советов. Кроме того, некоторые из них являлись одновременно и гласными местных земских собраний. Например, в первый состав Ковровского уездного училищного совета Владимирской губернии в 1866 году были избраны благочинный города Коврова С. А. Архангельский и губернский секретарь И. М. Крамаревский, оба гласные Ковровского земства [3, д. 1667, л. 12]. Подобные факты совместных действий, когда священнослужители совмещали в одном

лице две светские должности – гласного уездного земства и члена или даже председателя местного училищного совета - имеются и в других земских губерниях. По замечанию Е. Н. Медынского, уездные училищные советы являлись довольно живыми организациями в отличие от губернских [9, с. 254], так как в их ведении находились заботы о конкретных начальных училищах, которые надо было снабжать учебными пособиями и принадлежностями, обеспечивать учительскими кадрами и пр. Но историк считает единственной причиной столь активной позиции уездных училищных советов наличие в их составах представителей от земства. Архивные и другие источники свидетельствуют, что не менее активную позицию в этих советах занимали и представители духовного сословия. В целом, анализируя деятельность уездных училищных советов, можно выявить одну общую тенденцию, а именно сильную зависимость результатов деятельности от их персонального состава. Если в составе уездного совета находилась личность, с активной позицией, искренне заинтересованные в просвещении простого народа и повышении его культурного уровня, независимо от сословной и ведомственной принадлежности, там заметны были достижения в образовательной сфере. Но имелось и немало случаев бездеятельности уездных училищных советов на протяжении многих лет, и данное обстоятельство накладывало свой отпечаток на состояние учебного дела в уезде. Подтверждение данному наблюдению можно встретить практически в каждой губернии.

В действительности, работа училищных советов началась в губерниях практически одновременно с деятельностью земских учреждений, и во многих уездах земские собрания оставили за собой лишь финансирование нужд начальной школы, а решение всех практических вопросов, включая расход земских субсидий, делегировали уездным советам. Так, Муромское уездное земское собрание во Владимирской губернии передало полномочия по развитию народного образования в уезде местному училищному совету, полагая, что собрание должно заниматься только ассигнованием средств на это дело по представлению совета [6, с. 21]. В Покровском уезде той же губернии «из ассигнованных в прошлом году земским собранием 700 руб. на народное образование, расходов училищным советом не было произведено совсем, в связи с чем собрание не посчитало нужным выделять средства на следующий год, выделив лишь 1000 руб. на поддержание уже имевшихся училищ в казенных селениях» [Там же, с. 22-23]. Данный ряд индифферентных училищных советов можно продолжить примерами из других губерний. Ярославский губернский училищный совет в заключение своего отчета о состоянии народных училищ, находящихся в заведывании совета за 1868 гражданский год, пишет, что «не все уездные училищные советы обращают должное внимание на свои обязанности», при этом отмечая, что «особенною деятельностью и усердием делу народного образования отличаются Рыбинский, Угличский, Ржевский, Любимский и Пошехонский советы» [14, с. 126].

Одновременно хотя бы в той же Ярославской губернии найдутся примеры результативной работы училищных советов на образовательном пространстве своего уезда, и, как правило, объяснение таких достижений кроется в подвижнической деятельности конкретных личностей, председателей или членов уездных училищных советов, которые смогли преодолеть многочисленные препятствия внешнего и внутреннего свойств и добиться результата. Немало таких примеров можно найти на страницах местной периодической печати, как светской, так и церковной. Так, инициатором открытия начального училища в с. Спасском Любимского уезда стал председатель местного училищного совета прот. Павел Никольский [13, с. 19-21]. На примере этого училища хотелось бы обратить внимание на самую распространенную схему открытия сельских учебных заведений, которая практиковалась в этот период. В начале всегда имела место агитационная работа среди крестьян, которая проводилась кем-то из заинтересованных лиц, будь то представитель светского общества или гражданской власти, или приходской священник; в нашем случае им был местный священник Н. Здоровцев. Положительным результатом такой агитации должен был стать приговор сельского общества об открытии в своем поселении школы, обязательно содержащий обещания крестьян материально поддерживать новое училище. Убежденные священником крестьяне с. Спасского на Эдноти постановили «открыть приходское училище и обязывались приговором производить некоторый сбор на его открытие». Расположилось училище в церковном здании, наставником и преподавателем определен местный священник при содействии дьякона. От Любимского земства назначено на училище пособие в 125 рублей [Там же, с. 20]. Сразу же встает вопрос, к какому типу училищ отнести это вновь открытое учебное заведение: земскому или церковно-приходскому? Ответа на этот вопрос нет, потому что в этот период нельзя точно определить ведомственную принадлежность начального училища, а следовательно, и выявить его тип.

Таким образом, одной из первых форм взаимодействия представителей Православной Церкви и земского самоуправления в области начального образования в провинции стала их совместная работа в уездных училищных советах.

Кроме того, Положение о начальных училищах 1864 г. объединило все ведомственное разнообразие существовавших на тот момент в России элементарных училищ и школ под одним общим понятием – «начальное народное училище», куда вошли и церковно-приходские школы и только предполагаемые к созданию земские. Все они должны были решать одну и ту же задачу «утверждения в народе религиозных и нравственных понятий и распространения первоначальных полезных знаний» (ст. 1) [2, с. 614] и работать по единому учебному плану, включавшему в себя следующие предметы: Закон Божий (краткий катехизис и священная история), чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, первые четыре действия арифметики и церковное пение. Следовательно, в начале совместного пути Церковь и земство находились, в общем-то, в одинаковых правовых условиях и под началом одних и тех же училищных советов, которые должны были наблюдать за учебной частью всех школ, в том числе и духовного ведомства.

В плане выстраивания будущих отношений между духовным ведомством, уже накопившим опыт по созданию начальных школ, и земскими деятелями, для которых образовательная сфера являлась еще малознакомым

полем предстоящей деятельности, принципиальное значение имеют первые земские собрания, как уездные, так и губернские, и принятые ими решения. Обратимся сначала к первым губернским земским собраниям, так как именно на них определялась тактика и стратегия земских органов в сфере народного образования, которой они станут руководствоваться в ближайшие десятилетия практически до самого конца XIX столетия.

Так, Владимирское губернское земское собрание декабря 1866 г. достаточно времени посвятило положению дел в образовании. В докладе губернской земской управы собранию депутатов в первую очередь была проведена оценка состояния дел в этой отрасли, выявлены, по мнению земства, самые проблемные точки, и уже по каждой позиции определены главные ответственные структуры за ее улучшение [17, с. 1-7]. Определяя состояние народного образования во Владимирской губернии как неудовлетворительное, Владимирское губернское земство на своем первом собрании наметило следующие направления предполагаемой деятельности: материальное обеспечение школ, забота о содержании их учителей и подготовка педагогического персонала для начальных школ. Здесь же было произведено распределение ответственности: в финансовом обеспечении школ «пальму первенства» отдали крестьянским обществам, полагая, «что это общества особенно не отяготит»; вторую позицию о вознаграждении учителям депутаты не обсуждали, так как не посчитали ее сложной для земства; по третьему вопросу было предложено обратиться к епархиальному ведомству с просьбой «сообщить земству о желающих из окончивших курс в духовной семинарии принять на себя звание учителей начальных народных училищ с доставлением при этом надлежащих удостоверений об их годности и способности на такое дело» [Там же, с. 6].

Готовясь к своему первому докладу о положении дел в народном образовании, Владимирская губернская земская управа сделала предварительные запросы в уездные земства с просьбой «представить ей свои заключения о народном образовании» в каждом уезде [Там же, с. 5-6]. Анализируя постановления первых уездных земских собраний Владимирской губернии в контексте проблемы исследования, можно сделать вывод, что практически все земства (10 из 13) сочли нужным в разных размерах финансово поддержать существующие уже начальные училища, при этом, не разделяя их на светские и церковные, и что земства считали вполне естественным включение в образовательный процесс возможностей духовного ведомства, особенно в плане поставки для школ педагогических кадров. Именно выпускников духовной семинарии они относили к наиболее вероятным претендентам на учительские должности.

Показательна в этом отношении позиция земских деятелей некоторых уездов Тверской губернии, которые решили передоверить дело начального образования в своем уезде церковно-приходским попечительствам, созданным по Положению от 2 августа 1864 года [18, с. 607]. Первая статья этого документа одну из задач новых общественно-церковных организаций видела, в том числе, в «устройстве первоначального обучения детей». Очередное земское собрание 1866 г. в Тверском уезде решило, что раз «приходские попечительства открывают училища на свои средства и что таковых попечительств может образоваться в уезде по числу приходов 69, ассигновать на каждое по 50 руб., а всего 3150 руб.» [16, с. 413]. Период увлечения тверских земцев церковно-приходскими попечительствами длился примерно до 1870 г., когда, убедившись в его бесперспективности, они сменили свою тактику. Собрание 1868 г. констатировало, что из 69 предполагаемых приходских попечительств в Тверском уезде организовано только 10, и из них лишь 8 обратились к земству за пособием для открытия училищ. Земское собрание тогда решило обратиться с ходатайством к тверскому епархиальному архиерею о скорейшем открытии попечительств по приходам, сообщая о том, что земство ассигнует 3000 руб. на открытие ими церковно-приходских школ. Но специально проведенное нами исследование по проблеме участия церковно-приходских попечительств в деле народного образования, позволило установить, что положение в Тверском уезде было типичным для всей России. Организация попечительств продвигалась в России «черепашьим ходом». В абсолютном большинстве епархий удалось создать их считанные единицы [8]. Этот путь открытия новых школ в сельской местности оказался бесперспективным, так как церковно-приходские попечительства открывались крайне медленно.

Пример Бежецкого уездного земства в той же Тверской губернии, которое постановило, начиная с 1868 г., открывать в каждой волости по несколько церковно-приходских школ [7, с. 32-33], лишний раз свидетельствует о том, что на первоначальном этапе, когда еще не был выработан особый тип так называемой земской школы, земские деятели не проводили четкой границы между начальными училищами, вкладывая средства как в открытие светских, так и церковно-приходских училищ.

Учитывая, что все они в своей деятельности руководствовались одним и тем же Положением 1864 г., подчинялись одним и тем же училищным советам, отличия между ними на тот период заключались лишь в механизме их материального обеспечения. Училища, которые позднее назовут земскими, открывались при содействии сельских крестьянских обществ и пособий от земств на учебные принадлежности и вознаграждение учителям; церковно-приходские в это время также существовали на средства крестьянских обществ и помощи от земства, только вместо нанятых учителей преподавали в таких школах священники или другие члены причта, или окончившие курс духовных училищ практически бесплатно. Размещались церковно-приходские школы главным образом в церковных домах. В силу последних обстоятельств, а именно то, что церковные школы не требовали лишних затрат при найме помещения и учителей, они становились даже привлекательней для земских учреждений в уездах, бюджеты которых в начальный период их деятельности были более чем скромными. Мало того, в них обязательные расходы на различные государственные повинности составляли львиную долю каждого бюджета уездного земства. Например, смета расходов Ковровского уездного земства во Владимирской губернии на 1867 год определялась в 39473 рубля, при этом расходы на «обязательные потребности» составили 35940 рублей, т.е. почти 91%. В разделе «Необязательных повинностей», к которым относилось и образование, фигурировали только расходы на медицинскую часть –

8,95% от всего бюджета [4, д. 3, л. 20-21]. Аналогичная ситуация имела место в том же году и в Тверском уездном земстве, где при общей смете расходов в 58736 руб. 94 коп. расходы на образование отсутствовали вовсе [19]. Следует заметить, что положение в области народного образования в приведенных нами для примера Владимирской и Тверской губерниях не выходило за рамки общероссийской ситуации: в 1868 г. из 324 уездных земств 109 ничего не ассигновали на народное образование, т.е. – 1/3 [1, с. 452-453].

Именно материальные причины, а точнее отсутствие у первых земств достаточных средств на открытие и поддержание начальных школ в своих уездах, детерминировали такое отношение земских деятелей к церковным школам на первоначальном этапе: когда вполне сознавая недостатки церковно-приходских школ, земцы, тем не менее, полагали, что и они могли бы послужить делу народного образования, так как требовали меньше всего затрат и были привлекательнее для крестьян по причине приближенности к дому. К примеру, Угличское земское собрание Ярославской губернии в 1866 г. постановило открывать школы при церквях, «поручая наблюдение и самое учение местным приходским священникам» [Там же, с. 456].

Таким образом, проведенный нами анализ источников позволяет выделить начальный период совместной деятельности духовенства и земства в области начального народного образования, который хронологически укладывается в пятилетие от первых земских собраний до начала 1870-х годов. Охарактеризуем его как мирный, хотя сами земские деятели называли это пятилетие организационным для земства. Нетрудно понять, почему первые пять лет совместной работы земства и Православной Церкви по образованию народа были столь мирными и не нарушались взаимными упреками и поисками недостатков у соперника. Объяснение такому положению дел можно найти в материалах земских собраний в том числе. Например, тверские земцы объясняли это так: «Земство в начале своей деятельности совсем не знало, как ему приняться за дело народного образования. Всю надежду оно возлагало на духовенство и стремилось и словом и делом поддержать церковно-приходские школы...» [16, с. 416]. Духовенство, а точнее его лучшие представители, также не осталось в стороне. И, как признавались все те же деятели тверского земства, «теперь далеко не единичны случаи, где причты и особенно священники являются энергичными помощниками земства и жертвуют на школы не только свои труды, но и средства; немало примеров, где благодаря их влиянию появляются новые школы» [Там же].

Мы согласны с теми исследователями, которые считают, что во второй половине 60-х гг. развитие народного образования было обязано в большей степени сельским обществам, чем земским учреждениям, хотя сам процесс создания новых народных школ ускорился примерно в 1,7 раза по сравнению с первой половиной 60-х гг. XIX в. [5, с. 13]. Но должны добавить, что, учитывая наиболее распространенную схему появления новых начальных училищ на данном этапе, в этот ряд обязательно следует включить и приходское духовенство с причтами.

Список литературы

1. **Веселовский Б. Б.** История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.
2. **Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 г.** // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. Собр. II. Т. 39.
3. **Государственный архив Владимирской области (ГАВО).** Ф. 14. Оп. 3.
4. **ГАВО.** Ф. 379. Оп. 1.
5. **Гошуляк Л. Д.** Становление и развитие земской концепции народного образования в дореволюционной России. 1865-1917 гг. (на материалах Пензенской губернии): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Казань, 1995. 21 с.
6. **Доклад Владимирской губернской земской управы земскому собранию по народному образованию 1867 года.** Владимир, 1867. 41 с.
7. **Доклад Тверскому губернскому земскому собранию по народному образованию в 1869 году.** Тверь, 1870. 332 с.
8. **Иванов Ю. А., Молякова О. А.** Церковно-приходские попечительства и начальное народное образование в России в 1864-1914 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2011. № 4. С. 70-82.
9. **Медынский Е. И.** История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Госучпедгиз, 1938. 512 с.
10. **Молякова О. А.** Образовательные реалии провинциальной России накануне реформ 1860-х годов: духовный и светский аспекты (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Образование и общество. 2012. № 1. С. 100-106.
11. **Молякова О. А.** Церковь и земство в формировании уездного образовательного пространства: историографический обзор // Федерализм. 2009. № 4. С. 161-170.
12. **Низамова М. С.** Земская школа Поволжского и Уральского регионов в 1864-1917 гг. // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 84-93.
13. **Открытие народного училища в с. Спасском на Эдноти Любимского уезда** // Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1868. Неоф. ч. 20 января.
14. **Отчет Ярославского губернского училищного совета о состоянии начальных училищ, находящихся в заведывании уездных училищных советов Ярославской губернии, за 1868 гражданский год** // ЯЕВ. 1869. Офиц. ч. 16 апреля.
15. **Положение о губернских и уездных земских учреждениях.** СПб., 1864. 22 с.
16. **Сборник материалов для истории Тверского губернского земства.** Тверь, 1909. Т. 5. 708 с.
17. **Сборник Постановлений Владимирского губернского земского собрания. 1866-1895 гг.** Владимир, 1905. Т. IV. Народное образование. 204 с.
18. **Сборник узаконений, относящихся до земских учреждений** (по своду законов и продолжениям издания 1886 года), с включением решений Правительствующего Сената и правительственных разъяснений и с приложениями Городового Положения / сост. И. Андогский. СПб., 1888. 895 с.
19. **Смета расходов земского сбора по Тверскому уезду на 1867 год** // Тверские губернские ведомости. 1867. 10 ноября.

**ORTHODOX CHURCH AND ZEMSTVO PARTICIPATION
IN PRIMARY PUBLIC EDUCATION FORMATION IN RUSSIAN PROVINCE IN THE 1860S**

Ol'ga Al'bertovna Monyakova, Ph. D. in History
*Center of Regional Casual History Study
Shuya State Pedagogical University
museum-kovrov@mail.ru*

The author, for the first time in the national historiography, carries out the comparative analysis of the relationships between the provincial structures of the Russian Orthodox Church and zemstvo self-government bodies in the process of primary education organization, determines the character of these relationships, reveals the extent of their influence on the effectiveness of educational process during the first five years of zemstvos functioning, when they were still formulating the basic directions of their activity in the field of public enlightenment, and conducts the analysis by the materials of Upper Volga region provinces.

Key words and phrases: parochial school; primary college; primary public education; zemstvo; Russian Orthodox Church; Ministry of Public Enlightenment; rivalry.

УДК 130

Философские науки

В статье показаны значение телесного фактора в культуре постмодерна, инструментальная направленность тела, особенность его семиотизации, серийность и сопутствующая данным процессам симулятивность. Рассмотрено влияние технологического фактора и потери идентичности на телесность современного человека. Обозначенные концепты открывают новые перспективы исследования для современной теории имиджа человека.

Ключевые слова и фразы: постмодерн; телесность; телоцентризм; имиджмейкинг; семиотизация; отчуждение тела; шизоидность; кризис идентичности; патология телесности.

Ирина Анатольевна Муратова

Кафедра гуманитарных и социальных наук

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

irina_muratova_81@mail.ru

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА®

Многозначность понятия «постмодерн» трудно вмещается в какое-либо одно определение, но, в самом широком аспекте, оно обозначает культурную эпоху, новый исторический этап в развитии западной и мировой культуры, указывает на исчерпанность так называемого модерн-проекта (Ю. Хабермас).

Определяющую роль в формировании особенностей культуры постмодерна играет фактор телесности. В процессе познания человеком XX века самого себя, мир стал пониматься как сконструированный по образу и подобию тела, посредством форм желания – сексуальности и языка [6]. Идея безусловного приоритета внутреннего, духовного в человеке потеряла свою актуальность, уступив место телесности, аффекту, сексуальности, желанию. Соматизация, обозначенная Г. Л. Тульчинским как Телоцентризм, достигла крайних пределов своего развития [12, с. 35]. В границах постмодернизма различные проявления телесности, начиная с сексуальности и заканчивая формированием внешнего образа, интерпретируются как проявление субъективности, автономности, как величайший дар, который дала человеку природа.

Понимание «телесности» тождественно определению В. И. Даля как «состояние тела», вызванное социокультурными детерминантами. Как уточняет И. М. Быховская, телесность - характеристика, «возникающая на пересечении природного тела и социокультурного, объединяет и материализованные, объективированные последствия этого “пересечения”, и те качества–“знаки” которыми сам объект не обладает, но которые приданы ему сообществом (символизация тела)» [2, с. 107].

Умение использовать телесность в семиотическом аспекте приобрело особую актуальность и стало популярным практически во всех сферах социальной жизни. К концу XX века особо популярным становится целенаправленное формирование системы телесных знаков, способных создать определенное мнение о человеке - его имидж [10; 11]. Сегодня выражение «формировать имидж» предполагает целенаправленное конструирование телесного знака: подбор фасона одежды, который может свидетельствовать о таких качествах, как маскулинность или феминность; цвет, который создаёт впечатление о наличии определенных черт характера, например, серый – пунктуальность, тёмно-синий - деловитость, красный – агрессивность. Возникла целая индустрия имиджмейкерства, целью которой стало создание разного рода имиджей: политиков, бизнесменов, актеров, певцов и т.д. В современном имиджмейкерстве используются все аспекты телесности: походка, осанка, взгляд, наклон головы, рукопожатие, речь и т.д.